

ФЛЕГАНТОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

ученик 9 класса БОУ «Новокемская ОШ»

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

МИТРОФАНОВ ВАЛЕРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

учитель истории БОУ «Новокемская ОШ»

СТО СОРОК ПИСЕМ С ВОЙНЫ

(Из семейного архива И.А.Нифантова)

Введение

Темой моей работы являются письма с фронта И.А.Нифантова, бывшего жителя села Липин Бор. В настоящее время в музеях и семейных архивах хранится большое количество солдатских писем. Все они без исключения являются источниками по изучению военной поры, все они являются документами войны. Авторы их простые солдаты в спешке, в окопах, землянках, между боями писали весточки домой, как напоминание о том, что они живы.

Среди множества солдатских писем большой интерес для исследователей представляет семейный архив писем с войны И.А. Нифантова. Он уникален по нескольким показателям. Во-первых: перед нами не разрозненная коллекция, а полный архив переписки солдата И.А. Нифантова с его женой М.А. Нифантовой. Во-вторых: письма являются подробным отчетом солдата о его жизни на фронте, они эмоциональны, не однозначны в оценках происходящего. В – третьих: в письмах широко отображена забота о своей жене и детях, в некоторых письмах это наставления жене, инструкции о том как можно выжить в военное время. В – четвертых: солдат в своих письмах много рассказывает о судьбе своих знакомых, родственников, односельчан. Имея интерес к происходящим событиям, в которых сам солдат И.А. Нифантов

является активным участником, он понимая всю важность отосланных с войны им писем, просит жену хранить их для своих детей, как самое ценное.

Так и произошло, его жена Мария Алексеевна сохранила все письма мужа. Благодаря дочери солдата Н.И. Стадник (Нифантовой) письма попали в руки исследователей. Все письма в настоящее время переведены в электронный вид, отсканированы и размещены в сети Интернет. Вашкинский краевед Н.Н. Леонтьев подготовил некоторые письма к публикации, вскоре они были опубликованы в сборнике «Пусть в вас и у сыновей соих память обо мне не угаснет никогда», Липин Бор, 2010.

Мне в своей работе захотелось проанализировать эти письма с войны, попытаться определить сколько писем всего было написано автором письма по годам и месяцам, от чего зависела периодичность переписки, изменение эмоциональной окраски писем, схемы написания писем, выявить стиль автора. Нифантов Иван Арсеньевич родился 17 июня 1904 года в деревне 17 июня в деревне Коледино Мунского сельсовета Вашкинского района. После окончания церковно – приходской школы трудился на земле, пытаюсь обеспечить семью всем необходимым. Затем отслужил в РККА, службу проходил в кавалерии. Вернувшись домой продолжал трудиться в сельском хозяйстве, затем работал на должности избача в родных местах, десятником в леспромхозе. Принимал участие в создании колхоза в своих родных местах. Перед войной переехал с семьёй на жительство в Липин Бор, где трудился в должности бухгалтера Вашкинской Райстрахинспекции при Вашкинском Райфинотделе. За это время приобрёл авторитет и уважение у руководителей района и населения райцентра. В семье рождаются дети, казалось ничто больше не омрачит жизнь семьи Нифантовых. Но 22 июня 1941 года, начавшаяся война с немецким фашизмом перечеркнула все надежды и чаянья советского народа, ввергая в пучину кровопролитной борьбы с врагом.

Глава 1. Письма с войны 1941 - 1942 год

Для удобства исследования все письма И.А. Нифантова разделены по периодам. Всего в архиве сохранилось 139 писем с войны. В 1941 году солдат успел послать только два письма, и одно без точной даты, за 1942 год сохранилось 21 письмо с фронта.

После начала Великой Отечественной войны начинается мобилизация населения для отпора врагу. В первую очередь мобилизуется мужское население, подпадающее под мерки военнообязанных возрастов, годных по состоянию здоровья, таких солдат называют строевыми – годен к строевой службе. Кроме солдат годных к строевой службе идёт набор военнообязанных, но годных к нестроевой службе по состоянию здоровья. Их отправляют на оборонные работы. На оборонные работы под посёлок Ошта Вытегорского района Вологодской области и был направлен И.А. Нифантов. К осени 1941 года финские войска подошли к посёлку Ошта, началась долгая оборона этого района. Так оказалось, что самые сухие и высокие места были заняты финнами, которым удалось продвинуться до северо-западных границ Вологодчины. Оборонные работы в болотистой местности самые трудные, в короткие сроки нужно было оборудовать линию обороны Красной Армии, чтобы не дать врагу двинуть свои войска в сторону Вологды. И.А. Нифантов вначале войны самоотверженно трудится на работах, где востребована физическая сила и мужская смекалка и плотницкие навыки – рытьё окопов, сооружение блиндажей и землянок.

По первому письму солдата можно определить день, когда он был призван в армию: «Сегодня, т. е. 6 декабря 19 день, как я уже выбыл с дому и нахожусь в армии» [1], то есть призвали его 18 ноября 1941 года. « Комиссия меня признала годным к нестроевой службе, а врач даже оставил совсем, но военком взял. С дому и сразу же нас повел приехавший с фронта лейтенант на фронт. По прибытии на фронт артиллеристов в первую очередь выделили и направили на передовую. Но я как нестроевой и большинство наших было зачислено в саперную роту...» [2] Солдат пишет в письме о первых своих лишениях: «...Но из питания не особенно. Не потому, что нам мало давали

хлеба, нет нам давали фронтовой паек – хлеба 900 гр., а дома я получал 500 гр. Но поскольку здесь все время на воздухе и на ходьбе, то у меня появился волчий аппетит и если бы мне казалось, не ограничивали в пище, то я бы даже лучше по здоровью домашнего стал, да и так плоше не чувствую. Но вот 4/ХП всех нас, как называли с пониженной трудоспособностью с фронта отвели немного в тыл хотя в этом же районе. А более здоровых оставили там же на фронте. Здесь др. батальон и все еще заново, дорог хороших нет и не могут достать нам продуктов и вот двою сутки не получали хлеба 1 грамма. 40 км с фронта шли пешком, а теперь 2-й день ничего не работаем. Вот и решил вам написать т.к. все прошедшее время было невозможно т.к. днем (не понятно), а ночью нет нигде освещения. Ну и сейчас находимся в Оштинском районе» В первом же письме солдат пытается обезопасить свою семью: «А теперь прошу тебя, Имей ввиду, что с хлебом будет положение у вас плохое и ты весь купленный мною овес в Шубаче считай своим и 1 цент. сделай на толокно, а 1 ц. смели, а остальные 3 центнера береги в запасе. Я из Ивановского с/с с дороги с Ганичевой М. Послал письмо зятю Василию с просьбой порядить, но свести овес на Липин Бор тебе, а Веру просил запарить 1ц. А они не привезут, то пока есть лошадь поряди человека за овсом, а то потом лошади не найдешь за эти, а также дрова поспеши вывезти все и поряди расколоть... Дверь в избу изнутри обить, как я говорил, попроси Петра Васильевича. Вот хорошо бы было сделать как я мыслил на окна с наружи. Окна стыть не стали, в избе теплее, но нет соломы...» [3]

Кроме обычных писем, которые отправляли или в конверте, или складывая треугольником, солдаты с фронта отправляли почтовые открытки. Места для сообщения на них было мало, но напомнить о себе возможность была. Война всегда неизвестность и неожиданность, вот и И.А. Нифантов беспокоится о своём будущем в первой своей почтовой открытке, отправленной наспех в канун Нового 1942 года: «Сегодня в 3 часа нас подняли и сию минуту в 8,5 час, выходим неизвестно куда, говорят за 100 км. И я пишу эти слова, чтобы мимоходом где встретится почта послать письмо» [4]

Во время войны все письма с фронта и на фронт просматривалась военной цензурой, все строчки с информацией, которые могли нарушить военную тайну, панические настроения, жалобы на трудность службы просто зачиркивались строгим цензором. Но иногда солдатам удавалось передать свои письма с сослуживцами или знакомыми, в таких письмах солдат мог написать всё что хотел, не остерегаясь цензуры. Солдат в своём письме предупреждает в первую очередь о надвигающемся голоде: «... Хлеба в продаже дают столько, что с его не сразу помрешь, но и не работать будешь. Но ведь все еще может быть впереди. Кто был в Ленинграде, то рассказывают, что давали 120 гр. хлеба. Люди до 20 тысяч человек умирали ежедневно, а умерших людей не хоронили, а ели.

А война впереди может быть все и в нашем районе и др. Где сейчас мы находимся ведь не в окружении, а павшие лошади еще с осени съели их кто найдет у собаки то вырвут, хотя бы одна кожа, одно копыто и едят даже сырое от нетерпения. Я видал как испорченные копыта лошади хватали люди из рук в руки и дрались за них. Хватая в руки сразу грызли сырые и грязные, заволоченные и попорченные эти копыта.

Это один пример и думаю достаточно тебе будет понятно. Но ведь это здесь в ряде районов, где мы были такое положение, но где и не были. Даже пишут по Сибири товарищам письма, что голодают...А вы еще не видали и не приняв своевременно мер как и здесь население и оказалось в ужасном положении, так и вы можете оказаться. Так вот и еще напоминаю не только береги крошку хлеба, не давай никому и не одного зерна овса. Но постарайся как можно больше запасти овса т.к. др. ничего не запасешь». [5]

Уже в четвёртом письме, проходя службу в 41-ом Отдельном Дорожном строительном батальоне, солдат сообщает: «Я ослаб и выхудал как после тифа. Но отсюда двери везде закрыты так крепко, что от сюда не вырвешься. Да и не думаю вырываться. Но главное хочу, чтобы меня использовали на работе в соответствии с моими способностями и моих сил. А служить считаю необходимо и буду до победы» [6] Понимая, то что может не выжить на

оборонительных работах, солдат начинает задумываться о службе на передовой: «Ранее я неоднократно обращался к командованию с просьбой отправить меня на фронт». [7]

Понимая то, что жена имея трёх малолетних сыновей, может испытывать большие трудности с пропитанием солдат в письмах шлёт разработанные им планы спасения, он ставит перед ней три задачи, которые жена должна была выполнить:

«... 1-е. Если от своей козы не будет ярушки, то купи на племя у Маничева или кого др. А лучше если бы матку дойную. Вот это да так и планируй и располагай средствами на это. А может кто в нужде и продаст.

2-е. Взять поросенка да поскорее, а не в июне и корми. Бери более крупной породы. И корми.

3-я задача. Беречь овес так, чтобы одно зерно кроме ваших с сыновьями желудков не попало никому! И очень очень ограниченно козам. Наоборот я думаю тебе как и при мне есть возможность увеличить этот запас. А как и что подумай получше сама. Вспомни как делают другие люди и говорил ранее я. И добейся!!.

4-я задача. Вообще сберечь приплод и весь от козы и кормить для себя. Самая строжайшая еще не когда не бывала у нас с тобой, но теперь как никогда должна быть экономия во всем чем только располагаешь. Это основа основ теперешней жизни». [8]

Но положение в тылу было не из лёгких и в мае 1942 год он получает извещение о смерти младшего сына: «...Это письмо очень меня расстроило. Мысль о смерти сына хотя и маленького еще и младшего беспокоит меня. Я чувствую скорбь, не хорошо как-то на сердце.

Ранее я был рад хотя тем, что вы сыновьями хорошо и здорово жили. А вдруг неожиданно одного из вас не стало.

Ведь смерть человека это куда хуже всего. Мое беспокойство главное увеличивается потому, что это толкает меня на мысль о том, что а вдруг да так помрет каждый из старших сыновей. Черт возьми!» [9]

Вскоре у солдата вырабатывается схема написания писем жене. Во-первых: приветствие, в первых письмах это простое обращение, затем отзыв на домашние события в письме жены, советы жене по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, рассказ о своих проблемах и своей жизни. Письма всегда эмоциональны, наполнены чувствами сострадания к своим родным.

Солдатские письма И.А. Нифантова необычны своей чувственностью, лиричностью и большими размерами, вот что сам солдат сообщает о своих посланиях: «...А пишу все то, что другие и не пишут, т.е. разные свои мысли и чувства». [10] Солдата беспокоит и то, что он часто пишет письма, пишет для того чтобы передать свой житейский опыт: «Здравствуйте дорогие мои! Жена Мария Алексеевна, мамаша Екатерина Спиридоновна, Галина Алексеевна и дети Геня и Юра!

Шлю вам всем свой красноармейский привет. Извините меня, что я последнее время очень часто и много Вам пишу, и этим до некоторой степени беспокою и затрудняю некоторым возможно для вас не желаемыми (исполнять) требованиями... А главное хлеб! Вот почему я в каждом письме только и пишу об этом. Предостерегаю вас, Кричу вам, что есть мочи. Не спите. Что только и можно, каким угодно путем, но не теряйте минуты действуйте для обеспечения себя в дальнейшем!» [11] Летом 1942 года тон писем меняется, И.А.Нифантов хотя и находится на оборонных работах, но отправлен в командировку: «...Жить бы так хорошо, Ну да и вообще теперь я более все узнал и приспособливаться стал так живу и думаю жить дальше лучше в 100 раз, чем жил зимой. Ведь тогда было ужасно. Наверно Зайцев тебе все рассказал. Я его просил, как я мучился. И от холода и от голода и от болезней и от бессилия и от тяжелых физических работ. А теперь я и работать научился. Стал спокойнее и тепло и питание все же лучше. И когда я сыт то и здоров». [12]

Но вскоре их подразделение вновь перебрасывается на новое место, вновь тяжёлый труд, недоедание и тревожные известия из дома от жены и вновь шлёт

ей простые и незамысловатые советы: « ...Из письма твоего я понял, что ты уже осталась без хлеба. Да и родным теперь жить у тебя незачем, хотят бросить и уехать. Если ты сохранила мои письма, то любые прочти и увидишь я только и писал тебе как добыть хлеба сохранить имеющийся. Я доказывал необходимость, что люди с голоду уже умерли миллионы и что у нас будет неизбежно. А это хуже чем умереть от штыка или пули. Я хотел выбить у тебя беспечность, но видимо не добился. И ты уже в таком положении какого я хотел спасти тебя.. Повторяю, что накоси сена, собери грибов и ягод из расчета, чтобы жить на одних грибах можно было всю зиму. Нет соли и тоже собирай и все суши. Собирай и серушки и краснушки и белянки и грузди и маслюшки. А также и ягоды. Суши. И все береги». [13]

К осени 1942 год тон писем меняется, недолгий оптимизм спеняется горьким разочарованием: «Эх, Маруся! Не думал я этого никогда. А теперь приходится думать т.к. войне не видно конца. Хотя бы помереть от пули, а то ведь от неслыханных мучений. Ну и ничего не поделаешь. Озверелый Гитлер губит миллионы людей. Дождемся и ему смерти». [14] Сообщает солдат о своих трудовых достижениях: «Ну, Маруся! Не успел я сегодня кончить этого письма, как случилось неожиданное. И сегодняшней вечер оказался хорошим праздником. Вечером мне как стахановцу за хорошую работу и дисциплину выдали подарок – премию, а ранее была объявлена перед строем командованием всей части благодарность. А в подарке 0,6 кг пряников, 100 гр. конфет, 400 гр. голбасы и 100 гр. вина. Вино даже попробовал. Я чувствовал в это время как будто и война кончилась и я уже нахожусь дома, меня так хорошо угощают. [15] В годовщину своей службы солдат пишет письмо жене, говорит что тяжело, но живёт лишь письмами от жены и ждёт от неё посылку: «... Ведь сегодня год как я с дому...Так главное, я хочу просить тебя, как получишь это письмо, то, пожалуйста не медли ни одного дня, а постарайся послать мне посылку, так как посылки почта теперь принимает. ..Так вот обязательно и быстро заделай посылки и шли. Я особенно хочу толлокна и кроме толлокна, шли ножик

складешок и деревянную ложку, карандаш и немного, ну тетрадь бумаги... Так Маруся! Шли, пожалуйста побыстрее. Да пиши письма. Что в самом деле. Ведь я не в гостях. Мне очень скучно. Я только и жил твоими письмами. ...» [16]

1942 год был тяжёлым испытанием для всего советского народа, всей нашей страны. Враг рвался к Волге, душил в блокаде Ленинград, огрызался на центральном направлении, угрожая Москве. СССР как и летом 1941 года находился на краю гибели. Командование требовало от солдат напряжения сил. На передовую требовалось пополнение и солдат И.А. Нифантов, уже обращавшийся к командованию с просьбой его отправить на фронт, ждёт с тревогой и надеждой дальнейших событий: «Я теперь убедился, что я болею главное ревматизмом и чувствую невыносимые боли. Особенно когда работаю физически и чем тяжелее тем боли больше, А врачи этого не видят и не понимают, А я ни рукой, ни ногой не могу, а работать надо. Вчера была нам врачебная комиссия. У меня признали сердце и легкие здоровы, И был как не строевой, а теперь признали годен не строевой службе, Половину нашей рты сразу направили на фронт. Я остался, но, наверное не на долго. Ведь надо где-либо брать людей для фронта. И думаю, что теперь скоро придется еще понюхать пороху - помочь добить фашистское зверье... Думаешь, может это будет мое последнее письмо, больше писать и читать Ваши письма из земли не выйдешь. Хотя и зароят, возможно не глубоко. Но пишешь и чувствуешь, что чтобы написать, сказать хотел бы что-то особенное. Может быть эти слова будут услышаны самым близким к сердцу человеком в последний раз, но и пишешь в такой обстановке, что ничего придумать и написать так как бы хотелось не можешь. И так, мы сидим перед лицом смерти. Обстановка, что пороховой погреб, у которого что-то шает, блещят и вот, вот получится взрыв, а мы сидим в этом погребе. И остаться в живых тут думаю не мыслимо.

Мое к тебе слово и может быть последнее! Марусенька! Миленькая! Целую тебя 1000 раз и жму в своих объятиях крепко, крепко. Я был

преисполнен любви Вас. Я любил Вас так как больше моего никто на свете и никого не любил, не любит и любить не может!» [17]

В этом же письме впервые солдат обращается к жене с просьбой сохранить его письма с фронта для сыновей: «И так помни все мои слова, Береги это и даже подобные письма мои. Давай их потом читать только сыновьям. Пусть в Вас и у сыновей моих память обо мне не угаснет никогда! Живите не своим, так горьким опытом других. Ваш муж и отец Иван Арсеньевич» [18]

1942 год был для солдата И.А. Нифантова очень сложным и трудным. Имея ряд заболеваний, в числе которых ревматизм, он вынужден был физически работать наравне со здоровыми солдатами, страдая от болей в руках и ногах. Видя смерть своих товарищей от истощения, испытывая постоянное недоедание, слабость, солдат просился на передовую, где кормят намного лучше и обращение командиров к солдатам лучше, там выжить надежды было больше.

Глава 3. Письма с войны 1943 год

Письма 1943 года И.А. Нифантова отображают новый этап его военной жизни – службу в строевых частях, на передовой. Теперь он будет не только помогать своим товарищам на оборонных работах, а сам примет активное участие в боевых действиях, в уничтожении ненавистного врага. Как воспринимает автор писем новую действительность? Оправдала ли эта действительность его прежние ожидания? Всего в семейном архиве сохранилось 51 письмо за 1943 год.

Отправка на фронт радует солдата И.А. Нифантова, он сообщает об этом жене: «...Ну главное сообщаю, что сегодня меня и многих других отправляют на фронт, и я чувствую почему-то радость на сердце.

Ну! Как и где буду, сразу напишу тебе. Адрес изменится. Ну, прощай, Маруся!» [19] Понимая то, что семьям фронтовиков помогают лучше солдат надеется и на улучшение жизни семьи: «...Так как сегодня отправляют на

фронт. Вот и дождался! Признаюсь, что я рад хоть куда только избавиться непосильного труда. Я ждал и радовался, когда видел, что меня скоро отправят. Но когда сказали собирайся, то и рад и отчасти есть чувство беспокоится за будущее. Но это чувство было не более часа. Теперь я готов умирать со спокойной душой. Вот с фронта я могу и буду, что можно добиться лучшего для Вас. Ну! Писать некогда. Прости. До свидания милая. Целую тебя крепко-крепко и жму в своих объятиях. До свидания сыночки дорогие! Генечка! Милый! Юра! Целую вас...» [20]

Попав на фронт солдат пытается сравнить свое прошлое положение на оборонных работах и сегодняшнее на фронте, и он приходит к выводу, что на фронте ему лучше: «... все же лучше пусть я и погибну, но лишь бы жить мало мала было можно. Но думаю, что долго жить не удастся. Велика опасность. Мы теперь бьем белофинов, но за 4 дня из нас еще не был убит не один. Я пока этого не видел. А бандитов бьем. Будет так, то жить куда лучше» [21] В следующем письме солдат опять спешит сообщить, что пока надежды его оавдываются: «Сегодня 8 день, как я нахожусь на передовой и еще пока жив и здоров более чем будучи в тылу. Жив. Но опасность, Маруся, настолько велика, что хотя в настоящую минуту пишу это письмо и в землянке, но под огнем минометного и пулеметного огня, то не гарантирую, что я его допишу. В любую минуту жизнь на волоске.

Но считаю, что я теперь живу лучше, чем жил ранее. Пока! А в перед ничего не знаю что будет?» [22] Удивляет следующее письмо И.А.Нифантова, находясь на фронте он вновь заботиться о сохранности своих писем, продолжая разговор о сохранении его архива: «Маруся! Ты понимаешь меня или нет? Ты знаешь, что я не хочу, чтобы моя жизнь кончилась совершенно бесследно. Ты посмотри сколько у меня было заведено дел, дневники и пр. пр. Все это я хочу, чтобы оно хранилось долгие годы в образцовом порядке. Даже письма кому я писал и от кого получал они у меня хранились в особом деле хорошо подшиты и пр. Я хочу, чтобы и ты мои письма теперь хранила также. Хотя ты и пишешь иногда, что читаешь мои

письма по несколько раз, но что хранишь их в таком порядке как я хранил я сомневаюсь, А все это в дальнейшем, когда нас не будет для наших детей, внуков, было бы **очень ценным историческим документом...**» [23]

Разлука в полтора года с женой приводит солдата даже к мысли, что жена про него забыла и в своём письме объясняет почему она не должна этого делать: «...вот от тебя уже два месяца не получаю писем. Стало быть забыла дорогая про меня. Да! Я верю. Это и не удивительно. Ведь почти полтора года, как живешь одна, но на свободе и жила еще пока в достатке. Да, Марусенька, жили мы с тобой не плохо и жить хотелось, жить и жить. А смерть, думали, будет когда-то в далеком будущем. А о такой муке, страданиях и не думали. Не думали и разлучаться. Одна разлука с вами я помню меня мучила страшно, когда я ездил на курсы на 1 месяц, живя в достатке всего. А теперь, вот уже полтора года не видим друг друга. И не только мучит разлука. Но ведь неслыханные страдания. И мало того и ежеминутная угроза смерти, да еще какой смерти, не знаешь. Может быть тоже в неслыханных муках. Забывать бы друг друга в такое тяжелое время не надо. Ведь этим можем еще более мучительно убить сами себя. Я конечно это понимаю и не позволю. Да и условия мои не позволяют, а наоборот возбуждают о вас большую жалость и любовь. А вы в других условиях. И можете, считая меня все равно пропащим. Забыв всю прошлую хорошую жизнь, любовь друг друга, мои нежные ласки и все, все лучшее. Не считаться с этим, и в место большой жалости и любви бесчеловечно отнестись. Забыть. Это бывает у людей, но я считаю это и в такие тяжелые минуты, да не найду и слов, чтобы выразить. Но считаю, что это было бы все равно, что человек тонет и очень жалобно, в ужасе просит рядом стоящего своего друга подать ему руку - спасти его. А он, друг его, был казалось не-изменным другом, погибнет сам, но тебя как товарища выручит. А оказалось, что вместо спасения стоит и смеется над тобой, что ты тонешь. Как такую измену в дружбе выразить, я не могу. Но наша измена была бы подобна этому примеру. И я на это не способен даже к врагу» [24] Но в

военное время и в тылу было много проблем, может задержка почты приводила к тому, что солдаты вовремя не получали весточки с фронта и скоро солдат уже благодарит жену за её письма: « Маруся! Письма твое от 2 февраля и 1 марта я получил. 1-е из них 8 марта и 2-е сегодня т.е. 13 марта. Очень и очень доволен я тобою, что сумела быстро дать ответ. Я был очень рад твоим письмам . Рад потому, что читая твое письмо я как будто поговорил лично с вами. Но узнав о том, что вы очень мало получаете хлеба т.е. 300 гр – голодный паек. Это меня сильно беспокоит. Я иногда тоже не стальной расстраиваюсь. И теперь вы у меня мало когда из головы, вернее мысли о вас не выходят из головы. Как вы будете жить? Я не знаю. Но уверен, что на 300 гр. конечно не жить» [25]

Но письма из дома не только радуют, но и расстраивают, норма по хлебным карточкам у жены 300 граммов на человека: « Маруся! Это письмо пишу внеочередным. Знаешь, если не пишешь, то больше скучаю, А пишу, то словно с вами разговариваю. И потом. Как после свидания становится веселее. Вот почему я и пишу тебе часто. Хотя писать эти две недели нет времени. Маруся! Я вчера... подал докладную зам командиру роты по политчасти и лично видел его и я просил его, а он заверил меня, что все сделает, а именно тебе вышлет справку, что я нахожусь в армии и на фронте. А об оказании вам помощи в питании и в обуви. Он напишет как я его и просил в Обком ВКП(б). А Обком потребует с Райкома ВКП(б), чтобы на месте оказали вам помощь» [26] Воюя в миномётной роте солдат ведёт учёт написанных и полученных писем и это удивительно: «Я веду записи – учет. Когда тебе посылаю, записываю по форме. Кому о чем писано, дата отсылки и дата получения. Видишь, я через годы буду знать, когда, кому и даже о чем писал и когда получу ответ.» [27] Пытаясь поднять дух у жены к преодолению трудностей, солдат рассказывает о своих испытаниях: «... ты говоришь, не хочется ехать с Липина Бору. Это верно. Верю, дорогая. Ну, что сделаешь, Маруся. Это разве трудность? Я без войны переезжал без счету раз, А теперь люди, где война, знаешь, как страдают, ужас один. А наш брат, хотя бы я. Я переезжаю. Да

ехать то было для меня удовольствие, Но мы ходим сотни километров без отдыха и с грузом. Люди знаешь падали и умирали от переутомления, но работали. Я сам бывало прошлое лето день лежал без сознания и от переутомления. А что чуть в сознании это было чуть не все время. Вот и теперь мы работали. Было носили бревна чуть не за километр. Поднимут на плечо несколько человек, а несем вдвоем. Да за спиной мешок с песком, чтобы пуля не так пробивала и осколки. И все это под огнем врага т.к под его носом находишься. И убивает видишь товарищей и раненые. Пули. Как осы мимо уха с визгом летят, но работали. А тебе переехать 15-30 километров на лошади. Это же для нас несказанное удовольствие» [28] В мае для И.А. Нифантова наступила небольшая передышка от боёв, он отправлен на переобучение в тыл. «Маруся! Сообщаю тебе, что я пока жив. Вчера выбыл с передовой фронта. Нахожусь в тылу, вернее не в тылу, но и не на передовой. Буду проходить месячные курсы на командира. Жить будем в деревне. Хотя временно из окопов вышли на свет божий». [29] На фронте, вдали от дома солдата интересовала всё, что происходит дома: «Учусь в школе младших командиров. Я тебе об этом писал в письмах от 15 и 16 мая. Теперь прошу тебя. Я уже тебе писал много раз пошли мне еще бумаги писать и газету районную на курево, да и почитать было бы интересно свою районную газету. А ведь послать ее не трудно. Посылай бандеролью. Теперь мне интересно знать с кем ты будешь иметь дело в Мунском с/с. А поэтому пошли список, кто председатель Мунского с/с и секретарь. Кто председатель и счетовод в отдельности каждого колхоза Мунского с/с. Ну, и пиши как и где устроилась на квартире? Кто остается с ребятами за няню? Что посадила в огороде или нет? Как козлятки? Жалею, что ярушку продала, а баранов оставила. Жива ли в Гаврине тетя Матрена и ее дедушка Федор Иванович?» [30] Чем дальше шла переписка, тем лучше солдат видел, как ему казалось, причины бедствования жены, ни для кого не секрет, что в военное время местному населению нашего района в тылу жилось намного хуже чем солдатам на фронте, смертность гражданского населения была выше чем воинов бою, но

солдат об этом не знал: «Ты падаешь духом расстраиваешься. Вот у тебя в чем вся беда. Тебя как будто все это застало врасплох. Словно после пожара. А ты бери пример с нас. Наша армия теперь крепка, как никогда. Теперь слепому стало видно, что мы фашистов разобьем. Вся сила в том, что бойцы теперь не теряются, паники нет, а настойчиво овладеваем и уже знаем военное искусство, Бьем и будем бить еще крепче и так, что не знала история. Победа уже видна. У нас теперь я очевидец. Вижу, что везде и во всем стал порядок, организованность, дисциплина. И недостатков ни в чем нет таких как в 41 и 42 г. Техники, знания и храбрости хватает.» [31] Иногда нервы у солдата не выдерживают, когда он вновь и вновь узнаёт о недостатках в своей семье: «Марусенька! Вы пишете, что мы о вас не все знаем. Но и вы имеете отношения к вам местных властей и вообще, хотя этого не пишешь, но я все понимаю. И даже раньше твоего писал тебе. Почитай мое письмо от 20 июня и увидишь. Большое то и для тебя поучительно. Все знаю, понимаю. И я ли вас или детей не жалею! Но я бессилен. К вам не прыгнешь и ничего не сделаешь особого. Но писать буду. Меня рвет. Я кажется вашим, кто должен о вас заботиться, морду набил. Их бы сволочей на мое место, так они осознали. Я наверное напишу Хрулеву и предупреждение дам. Я буду. как свободно, писать в плоть до Сталина...» [32]

Вскоре семья Нифантовых стала получать по хлебным карточкам не 300, а 400 граммов на человека. А солдата Нифантова интересовало и международное положение, сказывалась бывшая работа заведующим избы читальни в мирные годы: «Маруся, милая здорово! Ну как живешь Марусенька? Все еще расстраиваешься из-за плохой жизни? Да? А я думаю, теперь все же надо радоваться. Вот только что я принял сводку информбюро за 2/IX и вижу, что наша Кр. Армия за один день освободила 9 городов и сотни населенных пунктов. Как видно, с каждым днем все больше освобождаются наши города и села от фашистских зверей. Нет оснований нам быть в панике. Мы все как никогда уверены в скорой победе, уверены в свои

силы. Враг бежит на запад, но это еще ему не все. С такой же силой наши союзники ударят по его хребту и его хребет на этот раз не выдержит.

Знаешь какую злобу таит в себе народ оккупированных стран против фашизма. Что получилось во всех странах, даже в самой Италии, когда слетел Муссолини и войска союзников подошли близко. А когда они вторгнутся в территорию Италии и др. европейских стран Оси, что будет?

Тогда их свой же народ поднимется против своих заправил, как зачинщиков этой бойни уничтожат. Близок час возмездия. Да восторжествует мир и счастье народов Европы и всего мира. Будьте уверены» [32] В это время солдату приходит уверенность в своих силах, он уже не испытывает страха перед передовой и боем, привык к войне, вот как он это объясняет: «Знаешь Маруся, что значит привычка. Я помню, какое было паническое настроение даже далеко в тылу. Это 1941 г в начале войны, а теперь, когда привыкли. Да научились лучше воевать и бьет врага наша Кр. Армия. Ведь совсем другое настроение у всех в тылу. А кто долго был на фронте. Про себя скажу. Сразу я мыслил не доедем до фронта убьют. А когда прибыл на фронт. То здесь люди испытали всего и как то чувствуют спокойнее, увереннее и не боятся так, как в тылу даже. Вот и я теперь. Рвутся кругом снаряды, а не обращаем как то внимания. Как будто не слышим. Да и не замечаешь иногда, что может ведь убить. Морально нисколько не испытываешь страха. Привыкаешь, так как говорят и в аду хорошо». [33] Солдат уже отвечал на вопрос о том, почему он часто пишет жене. Он сильно скучал семье и о жене. В своих письмах он описывает и то, в каких условиях писались эти письма. Примечательно письмо от 18.09.1943 года, которое он писал в 3 часа ночи: «Маруся милая здорово! Сегодня исполнилось ровно 22 месяца, как я простился с тобой Маруся милая. Я простился с тобой с самым близким, с самым беспредельно любимым человеком, кому отдана вся моя жизнь, мое сердце и все мои мысли и чувства. Ваш любимый образ всегда предо мною и только он мне дает теперь интерес к жизни. ...Марусенька, 15 сего месяца я только что кончил писать тебе письмо в 12 часу, как по нам фашистские звери

открыли ураганный артиллерийский огонь. Я находился в укрытии, а бойцы моего подразделения были мною расставлены по своим делам. Оставался один я со своим отделением. Услышав близко разрывы, я вышел и наблюдал за разрывом снарядов. Вдруг на ½ минуты стихло. Я дал команду всем в укрытие, т.к. наверное противник меняет прицел. А теперь мол он будет бить точно по нам. Все убежали. А я задержался. И вдруг слышу десятки снарядов в воздухе и градом посыпались совсем рядом. Я бросился бежать в укрытие и был в 2 метрах у одного, а побежал в др., которое метров 6 от меня, возле стены укрытия. Вдруг не стало видно ничего. Воздух наполнился землей, дымом, оглушительным грохотом и визгом осколков. Я захватил уши, зажал глаза побежал и меня воздухом бросило о стену. Ну и отделался одним подтеком на голове, а еще один бы миг, как от меня были куски мяса т.к. снаряды пали сразу же, где стоял я» [35] С началом зимы солдат вновь получает письма из дому, из которых он узнаёт о новых едствиях семьи, и сразу даёт советы жене: «Но все же я понял, что дело все в питании т.е. в недостатке продуктов. Я решил и опять даю тебе совет свой. Пока еще не поздно и у людей с хлебом дело обстоит лучше, чем будет весной и видишь, что с хлебом у тебя очень плохо, тогда советую променяй на хлеб мое теплое новое пальто, новый черный костюм, да и вообще хоть все променяй». [36] Чем дольше длилась переписка, тем больше солдат переживал солдат разлуку с женой, порою, не получая письма от жены, ему казалось что она забыла про него, а она просто была занята работой, воспитанием детей. Он всей душой желает чтобы жена о нём не забывала: « Вот так и тут с нашей перепиской. И чтобы тебе это понять и яснее представить советую, может быть будет у вас кино название картины «Жди меня» или может об этой картине будет в газетах. Вот там показан пример с бойцом на фронте. Где говорится, что отсутствие мужа у жены или друга у девушки, это испытание «на разрыв». [37] Получив долгожданные письма, он пишет жене: «Чувствую, чувствую, Маруся милая вашу заботу. Вот так и должно быть, если считаешь меня еще за мужа своего. Конечно я верю, что за такой долгий период чувства ваши ко мне если не совсем, то немного да

остыли, поскольку не чем не подогреваются. Верю я это тебе и сознаю, но я то не виновен и не достоин ведь этого. И мои чувства наоборот приобрели новую силу к тебе, силу пылающей неудержимой любви» [38]

К концу 1943 года солдат И.А.Нифантов вполне привык к фронтовой жизни, освоился и вдруг поверил в то, что может остаться жив на войне: «...Я хочу еще жить, жить и жить и я должен жить. Я многое испытал, испытал и видел я смерть. Я два года вижу рядом перед собою смерть, но она не смеет почему то тронуть меня. Неумолима правда и злая ужасная смерть, злые взгляды бросает на меня, но она я думаю сама боится меня. И что то надеюсь привыкнешь к ней, что она не тронет меня. Нет. Нет не тронет. Надеюсь и буду надеяться, что увижу скоро Вас милые мои. Сейчас я привык и хотя смерть в глазах, но мы ее не боимся, не чувствуем близость её и живем хорошо». [39] Такое письмо и впрям было подарком к новогодним праздникам жене Марусе, как и следующее: «Маруся милая, здорово! Поздравляю тебя с Новым окончательно победным годом! Ну, на все твои письма я уже даю трехкратный ответ, и все было написано и переписано. Все, что ты посылала, получено.

Я живу, Маруся милая, еще пока без особых изменений. И своим положением я очень доволен. Но думаю, что нам бить фашистов надо быстрее и освободить свою землю. И нам еще предстоят кровопролитные бои. И тут то на спасение надежды мало. Но все же будем надеяться, что останемся в живых. Теперь победа близка. Это мы тоже чувствуем. Мы чувствуем, что теперь мы намного сильнее своего противника и в победе уверены. Так, что скоро, скоро, Марусенька милая мы будем дома» [40]

Письма И.А. Нифантова за 1943 год полны глубокими переживаниями о своей семье, надеждой на скорую победу и возвращение домой.

Глава 4. Письма с войны 1944 год

Всего в семейном архиве сохранилось 44 письма И.А. Нифантова с фронта за 1944 год. Своё первое письмо в 1944 году солдат написал в час ночи

1 января, сразу после Нового года: «А в общем этот 1944 год, я думаю, решит мою и твою и наших детей судьбу. Положение еще напряженное и опасность не миновала» [49] Солдат продолжает сравнивать оборонные работы и передовую, на которой находится теперь, несмотря на все трудности, он желает остаться на фронте: «О себе скажу, что живу почти по старому. Чувствую, стали болеть опять ноги, да и вообще у меня ревматизм есть и если теперь чуть не поберегся, то возьмет крепко. Но я боюсь как бы в тыл не отправили опять и в санчасть не хожу. А то как в 1941 г с фронта да попал туда, где хуже, чем всякая смерть. А бить фашистов более почетная специальность и более нравится. И я тебе всегда писал, что живу хорошо. И вот уже скоро год как я на передовой. Не сыпал раздевши или разувши, не видал матраса, не сыпал без перерыва, а все небольшими урывками наш отдых, не видал свету, то есть освещения подходящего и кроме окопа ничего.

Теперь, если бы мне побывать, хотя в какой деревне, то все равно, что в Америку приехал, Нью-Йорк...» [50] В январе 1944 года была полностью снята Блокада города Ленинграда, вслед за этим ожидалось и наступление Карельского фронта, об этом пишет и И.А. Нифантов: «...Скорей бы вперед и какой-либо конец. Теперь наша очередь Карельского фронта, гнать врага. Ленинградские бои были нам слышны. Слабость врага чувствуется и у нас. Теперь нас не агитирует, да и сдачу не так и мало дает. Ну скоро и мы ему дадим жару. Ну Маруся милая пиши. Жду твоих писем, газету, бумаги и чернил. Конечно если есть что». [51] Удивляет в переписке, то что жена постоянно присылала мужу районную газету «Колхозный путь»: «Маруся! Письмо твое от 29/1 и вместе с ним районную газету и лист бумаги получил. Большое тебе спасибо за все это...» [52] Больше всего солдата удивляет, что не все родственники пишут ему на фронт, он сожалеет об этом: «...А вот племянники мои на Мунском, да и вся моя Мунская родня меня удивляет. Кому я только ни писал на Мунское, даже Матрене Мурашевой и Зине Лукичевой, последней о ее муже Федоте т.к. я его осенью в 1942 г видел. Писал сестре Анне много раз, Петрову Яше, Прямикову Егору и сыну брата

Кирилла Александру. А вот сестра Мария Соломатина отвечает, но она мне не может дать всех желаемых сведений. Мне хотелось бы узнать, где и жив ли мой брат и друг детства Дутышев Александр Николаевич, но ни один из Мунского не подал мне голоса. Ну я сердать не считаю нужным, а все нет, нет да и опять кому-ли напишу. А приду домой так я им поблагодарю за их внимание ко мне, дорогим друзьям» [53] На фронте солдат всё время был на шаг от смерти, даже оставаясь в живых он примерял и на себе участь убитого, для этого солдаты пытались высказать своим родственникам свои предсмертные пожелания, вот и И.А. Нифантов сделал это в одном из своих писем: «Никогда, если я и погибну не забывай меня, моей горячей и искренней любви к тебе и преданности. Не отчаиваться и не поплакать, но ослаблять себя унынием, не предаваться унынию и слезам, влекущим к податливости и ослаблению в борьбе с трудностями. Быть предусмотрительной, здраво оценивать обстановку и смело, решительно идти навстречу любым трудностям, закаляться в борьбе и преодолевать все трудности, какие бы они тяжелые ни были, побеждай. Воспитывать детей своих в духе неугасимой любви и преданности к матери и отцу своему. Ограждать их от людей с дурным навыком и обычаями, воспитывать и зажигать в них неугасимый огонь любви к наукам вообще, к хитрости, прозорливости, к смелости, к умению преодолевать любые трудности в особенности.

Всегда держать свои чувства и себя в должных границах какие бы они ни были горестные или радостные, чувства любви или злобы, помни те и другие влекут губительные последствия. Ждать меня в полной надежде и любви ко мне.

И последнее, в случае моей гибели, желаю тебе не быть обманутой и опозоренной и как следствие этого стать посмешищем всеобщим. Воздержанностью и терпением длительной неподдатливостью без ошибочно найти себе хорошего и преданного и неизменно любящего тебя и детей моих мужа.

И еще одно. Храните, как зеницу ока, все мои дела и письма пока не оценят их полно мои сыновья и не проявят к ним бережного отношения, не давить на их полную ответственность.

Помни, что пройдут годы, дети будут взрослые и все это для их будет историческим и ценнейшим воспоминанием об отце, их памятью.

Все мои письма, а в них наказ в случае моей смерти и пожелания подобные этому хранить особо. Знаете как «Отче наш» и соблюдать как прежде соблюдали заповедь божью. И только тогда Вы будете счастливы и все необходимые блага жизни и детям твоим...» [54]

Вести из дома были страшными, норма на иждивенца 150 граммов: «Да, Маруся, я ведь понимаю насколько тяжело вам жить теперь, Да трудно даже представить о жизни на 150 гр хлеба, не имея более совершенно ведь ничего, кроме воды. Что только думают местные власти о таких семьях. Мы не щадим своей жизни за свою семью и за всех в тылу, а они обрекают на голодную смерть нашу семью, Этого быть не может и высшая власть это не допустит». [55] Далее из писем можно узнать и тот факт, что солдаты отдавали свои фронтовые деньги на восстановление народного хозяйства в виде государственных займов: «Ну я рад так же, что ты получила мои деньги за апрель. Но очень сожалею, что месяца три я не буду возможно посылать тебе денег в связи с подпиской на заем на 400 руб.» [56]

Невозможно без волнения читать строки писем с описаниями боёв, в которых принял участие И.А. Нифантов, вот одно из летних писем 1944 года: «Маруся! Вот уже неделя как я нахожусь в наступательном бою. Прорвали его три линии укрепления, затем десантом были брошены на сто с лишним километров в тыл врага., где отрезали ему путь отхода единственые для него и нексолько дней отбивали атаки противника. Горы трупов врага лежали от нашего огня. Наши части с фронта в это вемя быстро прошли фронтом и соединились с нами. Враг бросил даже с ног обувь, шинели, пилотки, технику и спасался бегством болотами. На поле боя чего только нет, но никому ничего

не надо. Наши силы в сто крат больше, но враг еще очень бьет, горят деревни, отступая взрывает склады, угоняет народ.

Эту неделю я не спал и есть не мог от ужаса огня. На убитых на визг пуль и мелкой артиллерии не обращаем внимание, но враг бьет все из тяжелой. Сегодня был на отдыхе, сейчас идем в бой. Писем ни от кого не получаю и почта была только сегодня. За неделю столько происшествий, что можно написать книгу очень интересную.

Сам пока жив и здоров, а шинель на мне во многих местах пробита осколками и чуть была царапина на ухе от осколка. Наши части за боевые действия приказом маршала т. Сталина вынесена благодарность и наименование именем форсирования реки...» [57]

Бои продолжались и солдат решил в очередном письме рассказать о своих ощущениях от войны и пугает солдата не смерть от пули, а иное: «Только что вышел из боя. Бой...! Это только сказать и слово всем знакомое. Но действительность его, все переживания участниками его, я уверен, что кто и бывал то никто даже вообразить себе не может, что в бою происходит и какой не описуемый ужас в бою. Но у участников как я посмотрю не видно ужаса по их делам. Я видел как бойцы наши, и я вместе с ними, мы шли под ураганный артиллерийский огонь врага, как бы не замечая такой чудовищной силы огня, не считая уже огня пулеметов и автоматов. Но наш огонь, наша сила в сто крат больше врага горы убитых (будь они прокляты) фрицев, горы изломанной техники и прочего, но мы все шли и били врага. 18 день я нахожусь в наступательном ужасном бою. Но считаю, что впереди еще будет ужаснее. Я прежде боялся как скот режут. Теперь иду по убитым или прячусь за их и это не страх ничуть. Мы, то есть и я уже прошли вперед около 200 километров. враг все усиливает сопротивление, а наши силы все больше и больше и всравно все сокрушая идем вперед... Не смерть мне ужасна, которую можно и от пули получить, поэтому на пули не обращаем внимания, а ужасно то, что отрывает руки, ноги или плечо, или бок и человек тогда мучается, черт ее знает как просит пристрелить, но ведь не пристреливают и так в мучениях

смерть. Вот что страшно» [58] В связи с наступлением солдат попытался написать о своём местоположении, писать об этом строго запрещалось: «Ну, где я был ранее в обороне ты знаешь, что на берегу Ладожского озера. Теперь это прошлое и не секрет. Тебе ясно из тех писем, что десантом мы были высажены с Ладожского озера у Видлиц. А теперь врага все гоним и гоним к его берлоге. Ты видишь в сводках совинформбюро о действиях между Ладожским и Онежским озером. Дела идут хорошо. Только за этот короткий срок с 20 июня, у меня опять седые волосы, правда не все, но уже есть. Теперь ждем ежеминутно приказа в бой. Хотя бой не прекращается, но мы как на отдыхе пока. Что будет не знаю. Может быть и опять жив останусь. Этот раз тоже было жарко, но я пока цел, хоть шинель пробило в 4 местах, а плащ-палатку всю почти изрешетило осколками». [59] Напряжённость боёв перемежается с плохими известиями из дома, жена заболела и привлечена к тяжёлой работе: «Ты писала, что болеешь и дали задание заготовить дров 10 кубометров, а болезнь от своих еще дров. Так ты бы попросила врачей, чтобы дали справку, т.е. освобождение от такого физического руда. Ведь помнишь, врач Покровский запрещал тебе ходить много, даже в магазины, когда болела, а теперь заставляют ходить еще с таким грузом как чурки дров. Ты можешь так себя довести до плохого состояния. Я тебе советую не забываать как ты болела и надо себя беречь. Особенно подъем тяжелого и от общего тяжелого физического напряжения. Теперь тебе надеяться не на кого. Нет меня и помочь тебе в работе да и добиться лечения, когда сама не можешь, больше некому и в больницу доставить и к врачам сходить и дома кусок хлеба подать некому, но его еще и нет, надо как-то добыть и все одной. Так что, милая, береги свое здоровье. А сыну Гене скажи мое спасибо, что он носит твои для меня письма на почту...» [60] И.А. Нифантов вначале войны воевал с финнами на Карельском фронте и вот теперь впервые он столкнулся с немцами, интересны его впечатления от увиденного: «...Я уже годы на фронте и на передовой, но было все с настоящими условиями хорошо, а теперь если долго не убьют, то как и жить буду - подумать страшно. Главное ведь теперь холодно, дожди,

ветры, а мы как знаешь под открытым небоом, на ветру и на дожде и под огнем противника. Но ведь и зимой русские воюют не боятся. Это я с непривчки, но думаю недолго теперь скоро кончим с врагом. Теперь воюю с немцами, ну и зверье же они, сволочи, действительно звери. Да хуже зверей. О их зверствах не опишешь. С финами с этой сволочью зверями покончили, но жаль, что их не добились, хотя они биты не мало, но не все убиты...» [61]

Войска Карельского фронта гнали врага с территории СССР, впереди была Норвегия, в которой ещё находился враг. Солдат И.А. Нифантов, понимает, что ему придётся принимать участие в боях за Норвегию: «Маруся милая и дорогие сыночки Геня и Юра здорово. Сообщаю вам о себе, что я пока жив и здоров. Нахожусь в настоящее время на территории Норвегии. Как видишь, и здесь мне пришлось с боями пройти большое расстояние. Здесь из тундры теперь вышли в лесисто-горную и болотистую местность немного лучше, чем шли ранее, но все равно крайний север - Заполярье. Теперь если бы не надо было освобождать Норвегию, то здесь война кончена нами, но наверное будет приказ гнать немцев из Норвегии. В общем все же война еще недолго...» [62] Больше всего солдата в наступлении тревожит, что он не сможет регулярно писать жене письма и получать ответы: «А откровенно говоря, я находясь в таких условиях и в таком месте (в тундре), что мне не было возможности послать тебе письмо, да и вас ждать была фантазией, но временно связь налаживалась и все старые твои письма я получил. Ну, и тебе как только появлялась возможность тоже сразу посылал письма. Так что ты на меня обижаться не должна, а я на тебя зная причину не обижаюсь. А теперь Маруся, хотя я нахожусь тоже в тундре – Норвегии, но не в бою и не в наступлении, теперь в безопасности. И здесь на севере мы приказом вождя т. Сталина выполнили т.е. всю нашу землю и здесь в Заполярье освободили от врага. Ну в связи с этим мне пришлось перенести то, что трудно вообразить. А остался не только жив, но и здоров, почти здоров.

Правда было по день, когда два раза в одни сутки пришлось переходить реку по горло в воде, где несло снег и лед, а потом после этого лежать всю

ночь на холодном ветру и под огнем врага, я весь опух и не мог стоять на ногах, но чтобы направить в госпиталь не было никакой дороги т.к. мы были в тылу врага, но мы были рядом у дороги, были еще у врага. И во я не мог идти, так полз под огнем на врага, был рад, чтобы убило, но утром мы выбили врага, заняли дорогу, я обогрелся, попил, поел и на второй день уже опухоль не было. И я бегал попрежнему. Вот тебе один факт из жизни. А остальное можешь себе вообразить какое время года и какая теперь погода здесь в Заполярье, и лесу нет и море близко, ветры, дожди, снег, болото, скалы, горы, а обогреться огонь не зажгешь, дров нет, да и враг близко, даже курить ночью не всегда можно» [63]

После успешного наступления советских войск солдат И.А. Нифантов оказался на территории государства Норвегия, то есть за границей: «Маруся, ты за меня тоже не беспокойся. Я теперь не в бою и не в опасности. Живу нормально, но в тундре Норвегии, а не в городе или селе. Все еще окопы и землянки». [64] 18 ноября 1944 года солдат И.А. Нифантов отметил трёхлетие своей войны, три года страданий, три года ожиданий: «Маруся, пишу это письмо как видишь в день, когда три года назад я простился с тобой и со своими дорогими сыновьями. Три года, как я не вижу вас. Три года скорбил о вас. Три года переносу всю тяжесть, все трудности и лишения. Действительно за эти три года прошел огонь и воду. И главное то, что я прежде не был бы согласен, вернее не поверил бы, что я в состоянии пережить столько и быть живым... Видел то и пережил, что в сказках не слыхано» [65]

К концу 1944 года солдат признаётся в том, что он теперь ничего не боится в этой жизни, война закалила его: «И пиши мне чаще и больше и пиши все откровенно и без лицемерия, без предисловий более конкретно. Не думай, что меня чем напугаешь или расстроишь. Нет! Уж теперь меня ничем не устроишь. Что видел, страшнее нет ничего на свете и ничего теперь не страшно. Я спокоен...» [66] Последнее письмо солдата в 1944 году было оптимистичным: «Маруся, ты не обидись на меня, я теперь ведь писем не храню уже полгода, с того времени, как пошли в наступление. Хранить и

таскать с собой я был не в силах, да и не разрешается... Я теперь остался жив, пройдя все огни и воды. Мне теперь пока и не предвидится той унгрозы для жизни, какая была. Я жив и буду жив! И теперь уже недолго то время, когда я вернусь домой...» [67]

Письма 1944 года солдата И.А. Нифантова неизменны, они несли надежду на возвращения солдата домой, в своих письмах солдат успокаивал свою жену и всячески помогал ей преодолеть трудности военного лихолетья. Вторая половина боевого 1944 года это наступление Карельского фронта, в составе которого и воевал И.А. Нифантов. Пройдя через кровопролитные бои он остался жить, на календаре был 1945 год.

Глава 5. Письма с войны 1945 год

Всего в семейном архиве Нифантовых имеется 20 писем периода 1945 года.

1945 год особый – Победный! Каждому солдату на войне хотелось дожить до Победы. Солдату И.А. Нифантову это удалось, ему посчастливилось пройти дорогами войны и вернуться домой. О чём же были его письма в этот последний год войны?

Солдат сообщал, что при наступлении в 1944 году ему пришлось расстаться со всеми письмами жены, теперь он снова пытается их сохранить, они единственные дарят ему надежду на жизнь: «...Марусенька, милая, я теперь опять храню твои письма и всегда, когда ложусь спать читаю их и воображая тебя рядом с собой, мысленно бессчету раз крепко. Я полон уверенности, что это будет и на самом деле скоро, скоро. Время это подойдет и не увидишь. Я уверен, что ты меня не забудешь и дождешься. Маруся, разве, кто кого любит так как я тебя? Никто и никого. И разве можно бросить того? Бросить, забыть и в то время, когда он защищал вас, идет на верную гибель, не щадя самого дорогого - жизни своей. А жизнь, кто побывал в бою, умеет ценить. Кто не бывал, тот еще легкомысленно относится к жизни и не редко бывает слышать этих людей. О! Мне жизнь не дорога! Нет! Кто видел

смерть и она его не прибрала, то он дорожит жизнью сваеой. А я сотни раз видел смерть и не думал удачи уйти от нее, но я каким то чудом ушел от нее и я ценю жизнь.

Возможно и еще придется (хотя сейчас я в безопасности), но я уверен, что опять буду жив...» [68] В январских письмах солдат пишет об ожиданиях на мирную жизнь после войны, этого раньше в письмах не было: «... Теперь осталось добить его (врага) в его берлоге. Это уже немного и недолго. И тогда жди меня. Теперь этот день близок и время пройдет быстро, бисто и скоро настанет этот счастливый день. А может быть нас то есть мой год отпустят и раньше. Я уже думаю о жизни и после войны. У нас наверное будет первое время жить трудно и я думаю ехать сразу не домой, а на юг. Оттуда товарищи получают письма, что у них уже на рынках есть все продукты и все стает дешевле» [69] С горестью солдат узнает о гибели своих родных на фронте, об этом он узнал из писем жены: «...В этих письмах вы много мне нового написали. Да скорблю о брате Дутьшеве. Жаль очень жаль. Ну теперь все мои братья и зятя и друзья погибли. Как всех жаль!...» [70] Но в то же время солдат пишет с гордостью о своих успехах и успехах своих товарищей: «...О себе. Живу все по-старому и на том же месте между скал. Теперь знаю, что за Норвегия. Возможно скоро поедем (но об этом пока никто не знает) и в Германию добивать фашистского зверя. Да действительно озверели немцы, наша армия уже под Берлином и видят оним , что воевать безцельно, всеравно не устоять, а все еще сопротивляются. Ну здесь на севере, на моих глазах им дали так дали. Разбили их в прах. Бывало куда ни пойдешь, везде убитые немцы, а по дорогам и около дорог пройти было нельзя, столько лежало немцев. Здесь мы с этой силой могли бы пройти всю Норвегию. А ведь здесь были все отборные войска немцев, все герои Норвика и Критто, так они себя называли, но эти герои немногие спаслись отсюда бегством...» [71] Солдат понимает, что война заканчивается и солдат может выслать даже подарки с войны: «...А и теперь я еще не знаю можно или нет от нас посылки посылать. Посылать никто не посылает. Я мог бы послать сахару граммов 200 ребятам.

Постараюсь узнать, а можно, то пошлю. А больше нечего. Юра говорит гильзы, так теперь и гильз нет. Теперь мы почти не воюем. А вот растает снег, то вытает и гильз и пулеметов и всякой рвани и немцы еще лежат не зарыты. Но фрицевское все настолько противно, что я смотрел с брезгливостью. И куда возьмешь как больше двух пудов матчасть и пр. несешь и надо все быстро, а тогда и бегом. Чуть не ежедневно проверяем, нельзя ли чего бросить. Я часто бросал котелок, а один товарищ устал хуже меня, так от ложки отломил половину черня...» [72] Сохранилось в архиве Нифантовых письмо солдата своему сыну Гене, это ответ на письма сына, что приходили на фронт: «Геня! Милый сыночек здорово! Письмо твое от 12 апреля, я Генечка получил. Целую тебя Геня крепко, крепко за то, что ты не забыл еще совего папу и написал письмо. Я очень рад и доволен тобой Геня, что ты учишься хорошо и хочешь учиться.

Помни русскую пословицу: “За ученого двух неученых дают”. В знании сила.

Если выучишься, то и жить будешь хорошо. Геня, я скоро приеду домой. Если окончишь 1 класс, то на вторую зиму я приеду и куплю тебе валенки, сапоги, пальто и все, все, что тебе надо. Только учись Генечка. А приеду домой я обязательно в это лето. Геня, я тебя прошу, слушай маму и мама будет тебя любить и ругать не будет. Знай, что маме одной надо зарабатывать хлеб на тебя, Юру и себе, а одежду и сапоги купит негде. Генечка я о тебе и Юре тоже соскучился очень, очень. Геня, я живу в пустыне, где одни скалы и сфотографироваться негде. Но скоро увидимся и будем жить лучше прежнего. Привет Юре и маме. Жди Генечка меня домой. А пока пиши мне письма. Целую тебя Юру и маму крепко, крепко. До свидания» [73] Очень знаменательно письмо солдата от 9 мая 1945 года, он написал открытку 8 мая, ещё не зная о Победе: «Маруся! Здорово! Что-то очень долго не дождусь от тебя письмишка. И чем объяснить не знаю. Очень редко ты стала писать. Надеюсь, что эту открытку ты получишь, когда война уже будет завершена. Теперь уже можно сказать, что в основном закончена так как Германия

оккупирована вся. Остались еще немцы на небольшой территории в Австрии и в Чехословакии, так они не сегодня так завтра капитулируют. А мне больше воевать не придется. Теперь уже скоро, скоро мы будем жить с тобой вместе, конечно, если ждешь и еще немного подождешь меня. Надеюсь, что раз я остался жив и ждать пустяки, то дождешься» [74] А затем после объявления Победы над врагом: «Маруся! Кричи ура! Сегодня самый счастливый день в жизни нашей. Он счастливый для всего народа мира. Этот день – день окончательной и полной победы Советского народа над самым сильным, сильным и хитрым и злым врагом. Четыре года наш народ истекал кровью. Немало погибло хороших людей. Небывалые трудности и лишения переживал наш народ. Теперь, что жив. Ему предстоит веселое будущее.

Не описать конечно мне, а об этом будут написаны книги. Все переживания людей, всю скорбь, все мучения и вся радость людей сегодня 9 мая. Нам объявлен сегодня 9 мая днем праздника, еще в 3 часа ночи стало известно. А вы, наверное, узнали по радио раньше. Я вчера написал тебе открытку, в которой писал, что не сегодня, так завтра война кончится. Так и получилось. Теперь, кто из жен честно ждали мужей и мужья живы, то радости их не будет конца. Они с великой радостью и теперь уже недолго будут ждать своих мужей. И при встрече плакать от радости. А какие жены чувствуют грешок за собой перед мужем, для тех нет радости, а наоборот. Они будут плакать, как самые несчастные и презренные всеми. Горе безчестном. Бесконечная радость и счастье не непоколебимым, верным и стойким. Безграничное счастье и радость, беспредельная любовь и уважение всеми тех женщин, которые честно переносили это тяжелое бремя. И так поздравляю всех вас с победой и счастьем. Пиши все откровенно. Насколько для тебя радостный этот день. Для меня лично он радостный как никогда. Я даже минутно чувствуется неверие этого, особенно, когда вспоминаешь бои. Думаем, неужели и правда больше не услышим стоны, не увидим, как бывало кругом убитые, кровь, куски человеческого мяса, вонь, зловещее шипение мин, летящих на твою голову, когда замирает сердце. Все горит,

дым, оглушительный шум и треск, грохот. Конечно все ужасы не описуемы. Кто не бывал, тому и не представить себе, а кто бывал, не описать. Чтобы нибыло впереди, но все по сравнению с пережитым будет счастьем и радостью. Я не являюсь формально героем и не имею наград за исключением одной, которую предстоит получить, но по существу все мы герои, все мы решительно и бесколебимо отдавали свою жизнь имдя в бой.

Все мы переживали неслыханные и нечеловеческие трудности и лишения. А мне конечно пришлось пережить особенно, ибо я не 20 лет, а 40 лет и к тому непривыкший к тяжелому физическому труду. Даже молодые, здоровые и привычные не все могли все пережить.

И так Маруся, сейчас весна, пиши сколько посадишь картошки? Оказались козы наверное, то какой приплод и как доят? Как здоровье твое? Как с продуктами? Какой паек и пр? Пиши чаще, не забывай. И жди теперь скоро домой меня. Целую. Пиши. Жду Ваня.» [75]

Война закончилась и солдаты ждали скорой мобилизации, ждал её и солдат И.А. Нифантов: «... О себе, я живу кажется хуже, чем в войну, после боев жили. Очень томительно ждать, когда отпустят домой, но мы все ждем, вот – вот отпустят. Хотя время еще после войны прошло мало и как видно, пламя войны затухло, но кое-где искры есть, а следовательно и опасность, что от искр разгорится пламя и опять огонь войны запыхает всюю. Необходимо дождаться пока все эти искры не будут потухши. Но это недолго, а может быть и очень скоро и я буду дома. Тогда ясно, что жизнь моя возобновиться, зацветет и твоя жизнь изменится в лучшую сторону...Все время холодно, ветры сильные с моря, нередко и снег идет и дождь, облачно. А солнце, если когда изредка покажется, то видно его особенно ночью, оно в ясную погоду все сутки видно на горизонте. Высоко не поднимается и совсем заката не имеет и холодное. Проклятая Норвегия. Здесь одни скалы, мох и сыро даже на скалах. Ни травы, никакой растительности нет. И перелетных птиц не услышишь голоса. И вот , когда выберемся из этой тундры, не знаем» [76]

И наконец в газете «Правда» публикуется Приказ И.В.Сталина о демобилизации, этого и ждал солдат И.А. Нифантов, он ждал одного, когда его отпустят домой: «Маруся милая и дорогие сыночки Геня и Юра здорово! Вчера в газете был помещен доклад генерального штаба Красной Армии о демобилизации 13 возрастов (старших). Точно не знаю, но говорят, что это начиная с 1900 года рождения. Следовательно я буду демобилизован в первую очередь. И это должно быть скоро. Возможно в июле сего года то есть через месяц, полтора буду дома т.е. к вас. Вот это будет праздник веселый и радостный. Уже полтора месяца прошло как кончилась война, время прошло быстро» [77] И вот написано последнее письмо с войны, он пишет в этом своём последнем письме жене, чтобы она не отвечала ему на это письмо, потому что сам скоро будет дома. Пишет и не очень верит в то, что война закончилась и дорога к дому ему открыта и ничто не удержит его вдали от семьи и своей жены Маруси: «Маруся милая здорово!.. Маруся это письмо мое получишь, то ответа больше мне не пиши. Я думаю, что мне его не получить, да и не надо, лучше сам к тебе поеду. Правда, еще как – то все не верится, но ведь по закону должны и отпускать. Я за это короткое время очень похудел так как разговорами расстраивают, а на деле так одни разговоры. И создается какое то нетерпение и нервозность, что я прежде чувствовал себя спокойно, а теперь очень нервничаю, расстраиваюсь и ничего не мило.

Когда думаешь и конец будет этой службе. Ведь я и вправду немолодой, чтобы меня так сильно тренировать. Да и так шесть лет всего военной службы, но чем дальше, тем хуже все получается т.к. годы уходят. Ну, теперь почти все. Пока до свидания. До скорой встречи. Целую тебя крепко, крепко, бессчетно. Целую Геню и Юру. Интересно узнают ли они меня. А возможно так изменялся, что и ты не узнаешь. Война...» [78]

Заключение

Первая попытка осмыслить фронтовые письма И.А. Нифантова была проделана самим автором писем. Ещё находясь на фронте он понял значимость

описываемых им событий для молодого поколения и много раз давал наставления своей жене Марии Алексеевне хранить его письма. В семейном архиве сохранился рукописный документ под названием Справка, в котором И.А. Нифантов попытался проанализировать свои письма:

«Справка

Из моих писем с фронта видно следующее:

1. Меня взяли на войну, дома остались жена и три сына.
2. В апреле до 5 числа 1942 г умер младший сын Альберт.
3. На май м-ц 1942 г к жене в Л-Бор приехали жить мать жены Екат.... И сестра Галя см письмо от 5/7 42 г.
5. Зайцев Андрей Н. ездил домой из армии с 6 апреля 1942 г по 6 июля 1942г см письмо от 8 июня 1942 г.
6. Мать моей жены и сестра Галя от жены моей уехали т.к. у её не стало хлеба. Уехали в августе 1942 г
7. Из строительного батальона в Морскую бригаду меня направили 4 февраля 1943 г.
8. Курсы командиров проходил с 4 мая по 1 июля 1943 г
9. В письме о 8 мая 1944 г сообщал жене ,что нахожусь в тылу на отдыхе – эти их болота с передовой нас от правили на др.берег Ладожского озера км 10 от врага.
10. В письме от 10 июня 1944 года сообщал, что дождались 2-го фронта...»

Нам в своей исследовательской работе удалось проанализировать все 139 письма с войны И.А. Нифантова. Все письма И.А. Нифантова можно разделить на три основных раздела:

1. Письма, написанные во время службы солдата на оборонных работах (с 18 ноября 1941 года - февраль 1943 года)
2. Письма, написанные во время прохождения в регулярных частях Красной Армии в составе Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны войны (февраль 1943 года – 9 мая 1941 года)

3. Письма, написанные с территории Норвегии после победы в Великой Отечественной войны (май – июль 1945года).

По признанию самого солдата, самым трудным периодом службы был первый период – оборонные работы, где приходилось много трудиться через силу, голодать и терпеть лишения. Все письма в основном оптимистичны, они написаны были с одной целью – сохранить свою семью, помочь ей выжить в трудное военное время. Письма с войны И.А. Нифантова являются ценным источником по изучению Великой Отечественной войны. Нам удалось не только прочитать эти письма, но и выделить в них главное и существенное, сравнить настрой писем, их роль в жизни солдата и семьи Нифантовых.

За участие в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. И.А. Нифантов награждён медалями «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а так же Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В.Сталина ему объявлена благодарность за отличные боевые действия при форсировании реки Свирь и прорыве сильно укреплённой обороны противника, в боях за освобождение Печенгской области, городов Петсамо, Никель и города Киркинес союзной нам Норвегии и трудных условиях Заполярья.

Использованная литература и источники

1. Письмо – 1 от 6 декабря 1941 г.
2. Там же
3. Там же
4. Письмо - 2 от 28 декабря 1941 г.
5. Письмо 3, без даты
6. Письмо 4 от 7 января 1942 г.
7. Письмо 5 от 17 января 1942 г.
8. Письмо 8 от 27 марта 1942 г.
9. Письмо-12 от 3 мая 1942 г.
10. Письмо-12 от 3 мая 1942 г.

11. Письмо-13 от 4 мая 1942 г.
12. Письмо-15, 24 июня 1942 г.
13. Письмо-19 от 21 августа 1942 г.
14. Письмо-20 от 26 ноября 1942 г.
15. Письмо-21, ноябрь 1942 г.
16. Письмо-22 от 18 ноября 1942 г.
17. Письмо-23 от 29 декабря 1942 г.
18. Письмо-23 от 29 декабря 1942 г.
19. Письмо-25 от 4 февраля 1943 г.
20. Письмо-26 от 3 февраля 1943 г.
21. Письмо-27 от 14 февраля 1943 г.
22. Письмо-28 от 18 февраля 1943 г.
23. Письмо-29 от февраль 1943 г.
24. Письмо-31 от 4 марта 1943 г.
25. Письмо-32, 13 марта 1943 г.
26. Письмо-34, 27 марта 1943 г.
27. Письмо-35 от 31 марта 1943 года
28. Письмо -39 от 2 мая 1943 г.
29. Письмо – 40 от 4 мая 1943 г.
30. Письмо -42 от 19 мая 1943 г.
39. Письмо -44 от 1 июня 1943 г.
40. Письмо -54 от 4 августа 1943 г.
41. Письмо – 61 от 3 сентября 1943 г.
42. Там же
43. Письмо- 64 от 18 сентября 1943 г.
44. Письмо – 70 от 6 декабря 1943 г.
45. Письмо – 71 от 8 декабря 1943 г.
46. Письмо – 72 от 9 декабря 1943 г.
47. Письмо -74 от 25 декабря 1943 г.
48. Письмо -75 27 декабря 1943 г.

49. Письмо -76 от 1 января 1944 г.
50. Письмо – 77от 13 января 1944 г.
51. Письмо – 82 от 4 февраля 1944г.
52. Письмо – 83 от 8 февраля 1944 г.
53. Письмо – 84,15 февраля 1944 г.
54. Письмо – 89 от 7 марта 1944 г.
55. Письмо – 93 от 17 марта 1944 г.
56. Письмо – 98 от 20 мая 1944 г.
57. Письмо – 103 от 28 июня 1944 г.
58. Письмо -105 от 4 июля 1944 г.
59. Письмо -106 от 13 июля 1944 г.
60. Письмо- 107 от 15 июля 1944 г.
61. Письмо-112 от 25 сентября 1944 г.
62. Письмо – 114 от 26 октября 1944 г.
63. Письмо- 115 от 3 ноября 1944 г.
64. Письмо -116 от 6 ноября 1944 г.
65. Письмо -117 от 18 ноября 1944 г.
66. Письмо -117 от 18 ноября 1944 г.
67. Письмо – 119 от 13 декабря 1944 г.
68. Письмо – 120 от 10 января 1945 г.
69. Письмо -121 от 2 января 1945 г.
70. Письмо – 124 от 21февраль 1945 г.
71. Письмо - 125 от 24 февраля 1945 г.
72. Письмо -130 от 2 апреля 1945 г.
73. Письмо -132 от 2 мая 1945 г.
74. Письмо – 133 от 8 мая 1945 г.
75. Письмо -134 от 9 мая 1945 г.
76. Письмо – 137 от 3 июня 1945 г.
77. Письмо – 138 от 24 июня 1945 г.
78. Письмо – 134 от 1 июля 1945 г.